

Мария
Тернова
Цена вопроса

Мария Тернова

Цена вопроса

«Accent Graphics communications»

2012

Тернова М.

Цена вопроса / М. Тернова — «Accent Graphics communications», 2012

Главная героиня книги – умница Ириша, обладает не только милой внешностью, но и чувством юмора, а также способностью предчувствовать и попадать в незаурядные обстоятельства. Нереальная реальность повествования погружает читателя в Мир доброй фантазии. Ничто в жизни не происходит случайно. Неспроста Ирина встречается с удивительным Теодором, зловещим Черным всадником, хамоватыми привидениями, загадочными зелеными существами – вьернами и нашими земными современниками, которые оживают в метком видении и живом языке автора. «Жизнь, еще более насыщенная, чем до встречи с пришельцем, идет дальше. Главное – не позволить ей пройти мимо».

© Тернова М., 2012

© Accent Graphics
communications, 2012

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Мария Тернова

Цена вопроса

Глава 1

Ириша Князева всегда считала себя особенной. Не в силу каких-то выдающихся талантов, коими она вовсе не была одарена. Не из-за несравненной красоты, которой не очень-то блистала. Нет, собственная внешность Иришу вполне устраивала, хоть в ней не было ничего, что позволяло бы милой двадцатилетней девушке шествовать по жизни, как по подиуму, заплетающейся походкой манекенщицы. Ира совсем не годилась в фотомодели со своим росточком чуть больше ста шестидесяти сантиметров, аппетитной круглой попкой и размером бюстгальтера «75С». Но многим представителям якобы сильного пола она нравилась. А сама Ириша имела претензии только к своим глазам: не мешало бы им быть побольше. И чуть определеннее цветом, пожалуй. Серо-зеленые – как банально. И разреза самого обычного, не имеющего ничего общего с персидским. Но ведь существует декоративная косметика, призванная решать подобные проблемы. В целом же Ириша свое отражение одобряла, особенно, если в полный рост. Такими безупречными ножками, не нуждающимися в эпиляции, можно смело шагать по головам. И ни одна мужская башка не возропщет, когда ее коснется изящная узкая ступня.

Но Ирочка Князева отнюдь не мечтала топтать плешивые или усердно производящие перхоть макушки, преобладающие у мужского населения. Нет, нет, и еще раз нет! Она твердо стояла каблуками на земле и не собиралась ступать на такую ненадежную опору, как чьи-то там головы. Мужчин же она вообще с некоторых пор, а именно – после развода с Тремя Его-рами, рассматривала как некий жестокий каприз природы, граничащий с издевательством над нормальными людьми, то есть, женщинами.

Нормальная женщина Ира, как упоминалось выше, была еще особенной. Эта особенность состояла в редкой зависимости от чисел, которая началась с самого рождения. Мало кому «везет» появиться на свет 29 февраля, в Касьянов день. И ведь не должна была: матери предстояло вынашивать еще примерно две недели, но им с отцом приспичило посмотреть в ближайшем кинотеатре французскую комедию. Хохотушка мама так смеялась, что у нее прямо в зрительном зале отошли воды. В результате Ириша родилась не 14-го марта, как предполагалось, а за несколько минут до наступления 1-го.

С тех пор так и пошло-поехало: барышня тянулась к четным числам, а над ней тяготели нечетные, особенно – простые. Всю школу Ириша просидела в первом ряду, за третьей партой (первый вариант), а в журнале неизменно значилась под номером 11. Меняя место жительства – а ей приходилось переезжать по разным причинам – она всегда получала адрес, состоящий из простых, то есть, делящихся без остатка только на себя и единицу, номеров дома, корпуса, подъезда, этажа и квартиры. Даже количество комнат никогда не было четным!

Ириша, как ни старалась, ничего не могла с этим поделать. С жильем все другие, более-менее четные варианты хоть чем-то, но не устраивали. И даже покупая, допустим, четыре яблока, страдалица обязательно была вынуждена одно выбросить, поскольку оно оказывалось гнилым внутри. Если же попадалась упаковка с нечетным количеством чего-либо, то каждый экземпляр имел приемлемое качество. И так всю жизнь: номера маршрутов общественного транспорта, количество остановок, которое требовалось на нем проехать, и прочая, и прочая. Даже один зуб – самый дальний и незаметный, из мудрых – недавно пришлось удалить, и теперь их количество тоже простое и нечетное. Не то, чтобы Ирина сильно переживала по поводу

своей зависимости от вредных чисел, но всегда пыталась ее переломить. А еще об этом нельзя было забывать, чтобы не расслабляться.

Изобразив загадочную и влекущую улыбку, предельно собранная мадам Князева поправила темную челку и оторвалась от зеркала. Пора выдвигаться из дома в сторону работы и быть весь день очень осторожной: сегодня 17 мая. В такие дни нужно держать ухо востро, чтобы не влипнуть в неприятность. И пусть год – четный, но не високосный, в который она еще может рассчитывать на некоторое послабление от судьбы. С возрастом Ириша научилась если не побеждать проклятые числа, то хотя бы приспосабливаться к ним и сводить потери к минимуму.

Заперев дверь на два замка – хоть здесь смогла настоять на своем, как мамуля ни ныла, упрашивая поставить третий, – Ириша пешком спустилась с седьмого этажа. Пусть сегодня кто-то еще застрянет в лифте, она опаздывать не собирается. И можете не сомневаться: не успела Ира выйти из подъезда, как некий бедолага принялся биться и стелать внутри тесной кабины, остановившейся между этажами.

Ириша щелкнула брелком, и в ответ радостно чирикнула ее большая гордость: ярко-розовая «Ока» по кличке Муха. Некоторые имели дерзость называть машинку взбесившимся креслом, но хозяйка Мухи была выше этих злобных выпадов. Она не так давно смогла позволить себе подобную роскошь, но теперь уже не понимала, как раньше обходилась без машины. Ездить приходится много, а когда и дом, и работа располагаются далеко от метро...

– С богом, Мушка!

Усевшись за руль, Ириша качнула прозрачного голубого дельфинчика, от которого пахло морем, и тот послушно закачался на длинном шнурке. Сегодня она не будет оставлять Муху скучать у «Водного», а поедет на ней до самой работы. В «критический» день поезд обязательно остановится между станциями и тронется дальше нескоро. Конечно, существует еще такая гадость, как пробки, но юркая машинка их не очень боится. А от самой Мухи, все заднее стекло которой заклеено предупреждающими знаками (туфля на шпильке, кипящий чайник и честная надпись «ПУТАЮ ПЕДАЛИ!!!»), на улицах шарахаются все, вплоть до наглых джипов и высокомерных «Лексусов».

Дорога, как ни странно, оказалась почти свободной, и к шлагбауму, который отсекал машины без пропусков, Ириша лихо подкатила за пять минут до начала рабочего дня. Раньше приезжать смысла нет, потому что секретарша, которая открывает офис, вместе с еще несколькими безлошадными сотрудниками ездит от «Сокола» на фирменном микроавтобусе. Охрана под аркой, что вела во двор бывшего «почтового ящика», опять маялась дурью, то есть, проверяла багажники у всех въезжающих машин.

– И когда вам надоест играть в шпионов? – без раздражения спросила Ириша пожилого дядечку в серой форме.

– Что везете? – сердито буркнул тот, сунув нос в практически пустой багажник.

– Канистру самогона, а в сумке – два кило пластиковой взрывчатки.

– Все бы вам шутить, девушка. Проезжайте, – и дед опустил трос, натянутый между противотанковыми ежами.

Теперь остался последний рывок: подняться на пятый этаж старого, сталинских времен корпуса, а это не ниже восьмого в современном доме. Угораздило же руководство фирмы снять офис в таком месте! Экономисты хреновы! Брат матери, дядя Коля, когда-то учился в Физтехе, и один из преподавателей, работавший раньше в этом знаменитом «ящике», рассказывал студентам, что первым директором здесь был сын Берии. Придя на должность кандидатом наук, докторскую диссертацию он защищал в этих мрачных стенах. И получасовой доклад зачитывал на грузинском языке, в окружении охраны, состоявшей из лиц той же национальности. Вопросы к соискателю у членов ученого совета, как и следовало ожидать, не возникло.

Допотопный лифт почему-то функционировал, и до рабочего места Ириша добралась без ущерба для здоровья. Теперь можно попить чайку и расслабиться до обеда. Отперев свой кабинет, она первым делом включила чайник, а вторым – громко сказала:

– Доброе утро, Алексей Васильевич!

Это была ее маленькая ежедневная месть начальнику службы безопасности фирмы, который рассовал по всему офису подглядывающие, подслушивающие и поднюхивающие устройства. А может, только делал вид, что рассовал, но делал весьма усердно. Господин Сергеев был настоящим полковником из бывших. Усредненное незапоминающееся лицо, неуловимый взгляд, мерзкая привычка неслышно подходить сзади и редкостная выносливость по части крепких напитков. Прямо-таки Штирлиц в тылу врага! Редкая корпоративная гулька, на которых Сергеев неизменно изображал гусара, пьющего исключительно на уровне эполет, обходилась без его гнусных намеков в адрес Ириши. Очень аккуратных, но оттого не менее гнусных. Но мы же не в Америке живем и трудимся, где чуть что – в суд за сексуальные домогательства. Ира отшучивалась, прикидываясь ничего не понимающей дурочкой. Открытый конфликт с экс-полковником в ее жизненные планы не входил.

Да шут с ним, с Сергеевым. Поскольку сегодня никто не проставляется по случаю отпуска или дня рождения, тень железного Феликса явится в офис, скорее всего, за полчаса до окончания рабочего дня, чтобы проследить, не линяют ли сотрудники раньше времени. А до тех пор на его незримое присутствие будет намекать лишь потрескивание в телефонной трубке во время разговора. Шпионские страсти штандартенфюрера...

Ириша работала в этой небольшой строительной фирме с момента ее основания, четвертый год, и представляла в единственном лице отдел кадров. Не так давно она имела под началом одну девочку, но фирма претерпела ряд не всегда положительных изменений, и теперь командовать стало нечем. Все сама. И офис находился сначала в другом корпусе, был тесноватым, но куда более цивильным. Потом, на гребне успеха, набрали народу и по дешевке отремонтировали себе часть этажа здесь, получив в наследство от доблестных ракетостроителей не только мышей и тараканов, но и туалет рядом с лестницей, который мало чем отличался от вокзального.

Дальше дела спланировали вниз, поскольку построить дом если не дешевле, то куда быстрее, чем сдать в эксплуатацию. И народу в фирме поубавилось как естественным путем, так и в результате сокращений. Учредители, пара довольно молодых мужиков-друзбанов, имели интересы помимо строительства. Оставалось только молиться о том, чтобы они не расплевались между собой и не надумали разводиться – это был бы полный аллес капут. Такую ситуацию Ириша уже пережила на первой своей работе. В той фирме произошел резкий «развод» с мордобоем и поджогом офиса, а ей пришлось за день спешно уволить полторы сотни узбеков и молдаван, которых увел за собой один из кормильцев.

Здесь пока все было куда спокойнее. Мало того: несмотря на передраги, в фирме сложился неплохой коллектив – без сплетен и с кое-какими традициями. Его ядром и вдохновляющей силой являлась Ольга Ивановна, зам генерального по финансовым вопросам и главбух в одном флаконе. Ириша не без основания подозревала, что только благодаря усилиям незаменимой мадам Барминой фирма еще не пошла ко дну. Эта женщина прятала за ясным лбом никогда не ошибающийся компьютер, обладала железной хваткой, умела не только говорить, но и слушать, и была добрейшим человеком. В такое уникальное сочетание качеств нелегко поверить, но Ольга Ивановна в вере не нуждалась. Она не была ни господом богом, ни его матерью. Просто приезжала каждый день на службу: вся такая крупная, ярко одетая, собранная, обаятельная. И всё начинало крутиться, как надо.

Ольга Ивановна являлась главной причиной, по которой Ириша до сих пор работала в этой шаткой фирме. Другой причиной было то, что здесь не требовалось задерживаться после окончания рабочего дня. Ровно в 17–30 секретарша Люба выплывала в коридор и сладко пела:

«Пора домой!» А если вдруг отсутствовало руководство, вечерняя песня исполнялась даже раньше времени. Где еще такое найдешь? Ириша, имевшая прорву знакомых, ни от кого ничего подобного не слышала. А когда учишься на подготовительных курсах и надеешься поступить в ВУЗ, то каждая минута не только утром, но и вечером буквально на вес золота. Ириша только в прошлом году собралась с духом и средствами, чтобы пойти получать образование. Высшее экономическое было ею выбрано за хорошие перспективы, а еще Ира надеялась понять тайну чисел и научиться ими управлять.

Поступать куда-либо сразу после школы она даже не пробовала, поскольку так закрутилась со своей неземной любовью, что ни о чем другом думать просто не могла. Объект Иришиной страсти жил в соседнем доме, был красив, как молодой бог, и отвечал ей полной взаимностью. Юрий Георгиевич Егоров, которого все звали Три Егора, был старше Ирины на семь лет и уже отучился в каком-то заумном институте. А папаша взял его в свою фирму на очень хорошие деньги. Свадьбу сыграли через неделю после выпускного бала. Иришу поздно отдали в школу, потому как в детстве она была совсем мелкой и болезненной, то есть, аттестат о среднем образовании получила уже совершеннолетняя невеста.

Ириша с головой окунулась в семейную жизнь, которая радовала молодую жену красавца-мужчины не слишком долго. Супруг оказался ветреным и ехидным типом, крайне привередливым в питании и вопросах чистоты. И вообще был убежден, что раз содержит семью, то все должно быть только так, как он, обожаемый, скажет. Уязвленный тем, что Ира отказалась менять свою звучную фамилию, муж постоянно над ней издевался:

– Дурочка ты. Полагаешь, что Князева означает благородное происхождение? Как бы не так! Подобные фамилии: Царев, Губернаторов, Майоров говорят о том, чьими холопами были предки.

Во время ссор, или просто будучи в дурном настроении Три Егора называл жену не иначе, как холопкой, а такие моменты случались все чаще. Но Ириша любила мужа, и всё прощала ему. Правда, лишь до тех пор, как поняла, что Юрка бессовестно изменяет ей направо и налево. И года не прошло после свадьбы, а Ириша уже пришла к неутешительному и горькому выводу: красивый муж – не твой муж. Мама давно говорила об этом, но тогда, еще невестой, Ирочка не прислушалась к ее словам. А теперь стало ясно, что, предложив ей руку и сердце, кое-какие органы Три Егора оставил в общем пользовании. Воротнички его рубашек пестрели разноцветной помадой, а ночевал дома супруг далеко не каждый день, не затрудняя себя объяснениями. При этом сам немилосердно пас жену, отслеживая все ее перемещения, да еще изводил беспочвенной ревностью.

Убедившись, что муж активно шляется, Ириша, несмотря на его протесты, пошла работать. До этого она сидела дома, вылизывая купленную вскоре после женитьбы квартиру, и готовила любимому вкусные питательные блюда. Теперь же Ирочка решила, что не помешает обрести некоторую самостоятельность. Ее чувства к гуляке существенно поблекли, но Ириша еще долго находила в себе силы терпеть. Ей, в общем-то, нравилось быть замужем.

Терпение с треском лопнуло после того, как Три Егора наградил жену позорной инфекцией – этого брезгливая Ириша снести не смогла. И без того не очень-то приятно знать, что супруг с энтузиазмом осеменяет всех подряд, но получить такой подарок...

Ира собрала вещички и ушла к родителям. Муж долго не давал ей развода, устраивая как лично, так и по телефону безобразные сцены. Его привлекательную физиономию до неузнаваемости искажали злобные гримасы, а баритон срывался на визг, когда Юрочка орал, приводя одни и те же неубедительные аргументы:

- Я имею право, я – мужик! Каждый мужчина имеет право налево!
- Никто на твои святые права не покушается, – твердо отвечала Ириша.
- Но жить с тобой я больше не стану, хоть ты совсем на дерьмо изойди.

Она как-то вдруг почувствовала себя свободной. Это оказалось так здорово: не зависеть больше от настроений и оценок мужа. Пусть живет как хочет, но она больше не желает принимать в этом участие. Детей не завели: Три Егора был категорически против, а она не настаивала. Ничто больше не связывает с этим человеком, зачем же продолжать бессмысленное и унижительное для нее совместное существование?

Муженек поскандалил и смирился. Они развелись, а Три Егора даже почти без боя согласился разменять нажитую в браке квартиру. Ирише совсем не понравилось опять жить с родителями, которые наперегонки начали ее воспитывать. В результате молодой самостоятельной даме досталась очень пристойная однокомнатная квартирка недалеко от платформы «Моссельмаш». Материально на первых порах пришлось туговато, но Ириша не имела особых запросов и обходилась тем, на что хватало денег. Она радовалась, что не нужно полдня проводить у плиты, угождая вкусам капризного и прожорливого супруга. А еще успешно восстанавливала отношения с подругами, которых Егоров целенаправленно разгонял все три года их семейной жизни.

С тех пор ее с бывшим мужем связывало крепкое, светлое и взаимное чувство, а именно – стойкая неприязнь. Они были удивительно счастливы врозь. Не встречаться и ничего не знать друг о друге – что может быть лучше? Предоставленная сама себе, Ириша быстро встала на ноги. Регулярные удары судьбы отскакивали от нее, как теннисные мячики, зачастую даже не оставляя синяков.

Вскоре после обеда к Ирише заглянула с целью попить кофейку одна из сотрудниц бухгалтерии. Тетки в том отделе подобрались сплошь веселые и упитанные, вечно сидящие на каких-то немислимых диетах. А Тома, хоть и не желала отставать от своих, очень уважала покушать вообще, а сладкое – особенно. И какой же русский не любит сытной жратвы? Поэтому, поклевав за компанию с тесным коллективом овощей без хлеба и соли, она частенько навещала соседний кабинет, где всегда водилось хорошее печенье и еще что-нибудь вкусненькое. Ириша не возражала: сидеть одной, когда практически нет работы, было скучновато. Не будь домашних заданий, полученных на курсах, и казенного Интернета, она вообще не знала бы, чем заняться.

Томуся, как всегда, до самых краев наполнила чашку и с тихими подвываниями осторожно понесла ее к столу хозяйки кабинета.

– Куда?! – прошипела Ириша, настороженно следя за пеной, возвышающейся над чашкой. – Опять мне на клавиатуру выльешь, пока не остыло? Садись напротив.

Тома обиженно надула губы, но свернула к столику для посетителей. Ей не нравилось сидеть там, потому что стол был маловат, но спорить с Иришей, которая еще не достала коробку с печеньем и пастилу, гостя не решилась. Томочка любила сюда приходить не только из корыстных побуждений. Просто она была страстной кошатницей, а в родной бухгалтерии поговорить на эту тему было решительно не с кем. Вот Ириша держала кота, что делало ее приятной собеседницей. И в диетах не нуждалась, позволяя себе и гостям некоторые кондитерские излишества.

Дамы, не ограничившиеся одной чашкой кофе с маленькими женскими радостями, уже почти обсудили все последние проказы своих домашних бандитов, когда из-за стены, граничащей с приемной руководства, раздался грохот и визг Любаши. Выскочив в коридор, они нашли там небольшую возбужденную толпу сослуживцев, заглядывающих в открытую дверь приемной.

– Что стряслось?

– Навесной потолок обвалился, – пояснил кто-то Ирише, активно пробирающейся в первые ряды.

Картина ей открылась жутковатая, напоминающая о землетрясении или теракте. Сверху вкривь и вкось свисали металлические рейки и связки проводов, а на полу валялись плафоны

вперемешку со светло-серыми квадратными деталями бывшего потолка. В темноте поверх этого безобразия угадывался родной потолок здания, до которого было метров пять. Из-под секретарского стола жалобно взывала к коллегам Люба, умоляя вытащить ее.

– Строители, япона Матрена! Сами для себя сделать нормально не могли, – проворчала Ириша.

Из кабинета руководства высунулась зеленоватая физиономия одного из господ учредителей. Он обозрел разруху, царящую в приемной, и заорал, забыв о существовании телефонной связи:

– Ольга Ивановна! У нас потолок обвалился!

– Ольга Ивановна отъехала: у нее совещание с субчиками, – доложила из-под стола Люба. Руководство выругалось одними губами и скрылось в кабинете.

«Ага, – ехидно подумала Ириша, – а не будь совещания, Ольга Ивановна сейчас взяла бы стремянку и моментально все поправила».

Господи, как же они беспомощны, эти пупсики, даже если ворочают миллионами! Хотя, ворочают тоже чужими руками. В приемную она заходить не стала: денек сегодня критический, и обязательно упадет на голову что-нибудь из того, что еще свисает с потолка. Пусть уж туда идет шпионистый Сергеев, который сейчас жарко дышит вчерашней водочкой ей в макушку.

Вежливо двинув секьюрити локтем в жидковатый пресс, Ириша выбралась из толпы и вернулась к себе. Найдя там забытые чашки с остатками кофе, она решила сходить на перекур, а заодно вымыть посуду. Есть надежда, что неприятности, обязанные сегодня произойти, этим обвалом и ограничатся. На лестничной площадке Ириша душевно полялякала с Ефимом, единственным сотрудником еще одной фирмочки, расположенной на их этаже. Смешной пухленький Ефим страдал от дефицита общения и обычно продолжал рассказывать что-то даже удаляющейся спине замученного собеседника. Но Ирише нравилось с ним перешучиваться, а сегодня подвернулась роскошная тема о потолке. Обсудив инцидент со всех возможных точек зрения, Ира сполоснула чашки и пошла обратно. В дверях она столкнулась с Сергеевым, лучащимся крокодильей улыбкой.

– Что же вы кабинет не запираете, Ирина Владимировна? – осведомился он, водя по сторонам пороссячьими глазками неопределенного цвета.

– Алексей Васильевич, у меня нет карманов, чтобы положить ключ, – смиренно ответила Ириша. – Но все секретные документы, как положено, хранятся в сейфе.

– И все же кабинет следует запирать.

– Будет исполнено. Разрешите идти?

Неудачный клон Штирлица нехотя посторонился, уступая дорогу. До чего же приставучий тип! Настроение понизилось еще на несколько градусов. Не успела Ириша устроиться за компьютером, как зазвонил городской телефон. Значит, Любу все-таки извлекли из укрытия, и она приступила к секретарским обязанностям.

– Князева слушает, – ответила она согласно инструкции.

– Девочка моя, как приятно слышать твой голосок! – пропел в трубке хорошо знакомый баритон. – Я соскучился, давай придумаем что-нибудь.

– Здравствуй, Сан Саныч. Обязательно придумаем, но только не сегодня, – охладила порыв милого друга Ириша.

– А когда? В субботу моя кобра приезжает, – заныл Сан Саныч Шувалов.

– Мы с тобой так давно не виделись...

Ира начала усиленно соображать. Черт: и так, и эдак получалось не здорово! Сегодня у нее занятия, на завтра запланирован визит в автосервис. Ни то, ни другое мероприятие даже ради Шувалова отменять не следует. А послезавтра, в пятницу, будет 19-е число, которое ничем не лучше 17-го. Это значит, что свидание, полное чувственных удовольствий, закончится ссорой. Тут не может быть никаких сомнений, проверено не раз. Но в субботу объявится

законная кобра Сан Саныча, держащая благоверного на коротком поводке, пристегнутом к строгому ошейнику.

Что же делать? Совсем отказываться от встречи не хотелось. Существовал еще один острый вопрос: где? Шувалов жил не только с женой, но с ребенком и тещей. К себе Ириша мужчин не приводила с тех пор, как у нее появился кот. Подобрал на улице мерзнувшее существо аристократического голубого окраса, девушка, как выяснилось, крайне осложнила себе личную жизнь.

Пушистый котенок, названный Парисом, быстро превратился в крупного головастого хулигана, не терпящего в доме посторонних. Кот гадил в чужие ботинки. Блажил, как резаный, если его запирали на кухне или в ванной, отчего начинали стучать в стены и по трубам разъяренные соседи. В таких экстремальных условиях романтическое свидание проводить невозможно, согласитесь. А если Париса не изолировать, он обязательно нанесет гостю увечья. Такое однажды случилось, и повторения трагедии Ириша не желала. Первая ночь с очень симпатичным парнем оказалась последней. Взревновавший кот со всей пролетарской ненавистью так располосовал когтями незащищенный тыл кавалера, что было жутко смотреть. Для сидения это место, без сомнения, не годилось еще долго. А как они орали: что кот, что потерпевший! А кровящи натекло... Естественно, всякое желание у мужика пропало, будто у злостного неплательщика налогов. Он позволил Ирише продезинфицировать изуродованные ягодички и в раскоряку покинул ее навсегда.

Больше никого подвергать такому риску девушка не хотела. С Шуваловым они обычно встречались на пустующей квартире его приятеля, но не так давно тот коварно сдал жилплощадь. Оставалась дача Иришиных родителей, которая находилась далековато от Москвы. А это означало, что свиданию потребуется посвятить целый день. Не так плохо – с одной стороны, – но сама дата, черт бы ее драл...

– Чего притихла? – напомнил о себе Шувалов.

– Думаю. Придется ехать к нам на дачу, предков сейчас нет в Москве, так что никто не нагрянет.

– Чудненько! Я отпрошусь с работы.

– Договорились. Давай созвонимся завтра ближе к вечеру. Нагрузки сейчас особой нет, оформлю на пятницу один день в счет отпуска. У меня их много накопилось.

Граф Шувалов нарисовался на горизонте позапрошлым летом и быстро стал любимым другом Ириши. Не то, чтобы она Сан Саныча очень любила – нет, но думала о нем часто и с теплотой. То чувство, которое Ириша питала когда-то к бывшему мужу, не спешило навещать ее вновь.

Вскоре после развода, когда прекратились безобразные скандалы и прочая нервотрепка, отнимавшая так много сил, Ира поняла, что без мужчины обходиться не может, а главное – не хочет. Легкомысленный Три Егора имел массу недостатков, которые им заботливо лелеялись, но любовником являлся умелым, этого у него было не отнять. А Ириша никогда не страдала фригидностью и даже не подозревала о существовании такого недуга. Снова замуж в ближайшем будущем она не рвалась, но зачем отказываться от здорового секса? Женщина она молодая, свободная, привлекательная, и проблем с новыми знакомствами не возникало. Проблемы были в другом: приятели очень скоро начинали Иришу утомлять и раздражать.

Ей всегда нравились красивые мужики с хорошей мускулатурой, а неразборчивости многих своих подруг Ириша просто не понимала. Как можно ложиться в постель с пузатым, мохнатым и одновременно плешивым «кошельком на кривых ножках»? Наташку содержит именно такой экземпляр: то ли армянин, то ли азербайджанец. Люся замужем за его точной копией, но отечественного производства. У других знакомых девчонок партнеры немногим лучше, но все

они делают вид, что довольны. Как любила говаривать одна из подруг: «Мужчина чуть получше черта – уже красавец». Ириша была с этим утверждением категорически не согласна.

Кое-чему печальный опыт замужества ее научил, но ведь муж и любовник – разные вещи. Когда-нибудь она выйдет замуж за человека со средней – но приятной! – внешностью и спокойным характером. Но пока Ириша была намерена проводить свободное время с интересными людьми. К сожалению, таковыми ее дружки оказывались только внешне. Интересы всех знакомых красавцев сводились к футболу, сексу, автомобилям и деньгам. Разница заключалась лишь в том, какое удовольствие они ставили на первое место.

А потом появился Шувалов. Они справляли День строителя, скооперировавшись с одной субподрядной фирмой. Шумный и веселый банкет был организован в кабаке, на недостаток которых не может пожаловаться центр Москвы и, в частности, Новый Арбат. Человек с графской фамилией работал у смежников коммерческим директором, а на празднике взял на себя роль тамады. Ириша влюбилась в него после третьего тоста. Взглянув на ведущего застолье товарища заблестевшими от мартини глазами, она увидела, что мужик до того хорош, что по спине разгулялись мурашки, и показалось, будто шкурка поползла с плеч долой. Сан Саныч имел чеканный профиль Остапа Бендера и утверждал, что среди его предков также присутствовали турецко-подданные.

Высокий и смуглый потомок янычар тоже запал на Иришу, а во время танца честно показался, что женат:

– Ты очаровательна, Ирочка, – бубнил он бархатным голосом, бережно ведя партнершу среди активнодвигающихся пар. – Я жажду и предвижу нашу с тобой продолжительную связь и не хочу обманывать с самого начала.

Искренность ухажера была приятна, а то многие начинают плести всякую чушь! Жене Сан Саныча Ириша сочувствовала, но и только. Если сам Шувалов о супруге не думает, почему она должна заботиться о бедняжке? Уводить от нее мужа Ирочка не собиралась, так что совесть была спокойна. Кстати, и заразы никакой граф Шувалов от нее на супружеское ложе не притащит. Все хорошо: вперед и с песней! Вернее, с танцем. Сан Саныч на том банкете очаровал молодежную часть стола, хоть сам оказался старше новой знакомой – опять эти числа! – на целых одиннадцать лет. И до метро изрядно подвыпившие строители добирались, старательно исполняя на широком тротуаре сиртаки, который все дружно сочли национальным турецким танцем. Причем, возглавлял нестройную цепочку коллег мрачный Сергеев, употребивший за вечер больше всех.

С тех пор Ириша и Сан Саныч встречались не часто, но регулярно – примерно раз в месяц. Граф Шувалов обладал неплохо подвешенным языком и неутомимостью в постели. Он любил смешить Ирочку, рассказывая о своей насыщенной событиями и далеко не безгрешной жизни. В обиходе же предпочитал изъясняться забавными штампами. Для любого происшествия или новости у Сан Саныча имелось два универсальных комментария: «Ни струя себе фонтан!» и «Рядом птица». Если кто учил в школе не английский, стоит пояснить, что последнее словосочетание звучит на языке Шекспира примерно как «ниа бёд».

Веселый и ласковый пошляк устраивал Иришу всем. Особенно девушке импонировала покладистость Сан Саныча: он прекрасно знал, что, будучи ее любимым другом, не является единственным, и мирился с этим без упреков. Только графу Ириша не считала нужным врать:

– Ты у меня самый дорогой, но редкий. А ведь требуется мужик на каждый день, верно? Или хотя бы на пару раз в неделю, иначе я начинаю мучиться бессонницей.

– Рядом птица, – отвечал Сан Саныч, целуя Иришу в щеку. – Не стоит привыкать к колесам, куда лучше натуральное снотворное средство, коим является грелка в полный рост.

Он сетовал только на наличие Париса, которому так и не был представлен. И называл вредного кота не иначе, как аспидом, имея привычку сравнивать всех недругов со змеями. Нет, отказываться от свидания с графом Шуваловым было бы глупо. Пусть оно съест целый день,

удовольствие того стоило. Пусть день из неблагоприятных – плевать на это. Они наверняка разругаются. Ну и что? Через месяц Сан Саныч все равно позвонит с просьбой о новой встрече.

Глава 2

Позвольте спросить: во что верит современный человек? Оставим в покое африканских пигмеев или, допустим, аборигенов Австралии, чьи верования остаются неизменными многие тысячи лет. Не будем трогать редких ныне атеистов, считающих, что бога нет. И ярых сторонников какой-либо определенной религии тоже, пожалуй, не тронем: с ними все ясно. У кого-то Святая Троица и дева Мария, у кого-то – пророк Магомет или Будда. Но вот просто среднестатистический восточный европеец, наш соотечественник, которого либо окрестили в младенчестве, не спросив его согласия, либо нет. Человек, выросший не в семье фанатиков и получивший пристойное образование, – во что верит он?

Сейчас мало кто представляет себе Бога старцем в белых одеждах, восседающим на ватном облаке и прислушивающимся к молитвам своих неразумных детей. И все же приятно считать, что он где-то есть. Просто никто его не видел и не знает настоящего имени. Разве нет?

Рай с ангельскими песнопениями... Пекло, безвкусно обставленное котлами да раскаленными сковородками, и обслуживающие свое хозяйство черти – тоже больше смахивают на детский сад. Но верить в бессмертие души все равно хочется. Невозможно представить, что ты исчезнешь совсем, безвозвратно, когда умрешь. Да, тело твое заруют в землю или кремируют, но как же ты сам? Ты, который чувствовал боль, даже если ничего не болело, и смеялся, когда тебя не щекотали? Ты, неповторимый, со своими особыми чувствами, мыслями и желаниями? Разве ты можешь исчезнуть насовсем? Не должно, просто не должно быть такой несправедливости!

Возможно, кто-то думает иначе. Возможно. Ну и пусть исчезает, если ему так больше нравится. Но не лучше ли считать, что уход из жизни – всего лишь глубокий сон, обморок, который рано или поздно кончится, и ты вернешься. Таким же неповторимым, как был, если не считать небольшой амнезии.

Вопрос: куда вернешься? Все-таки большинство из нас считают Землю центром мироздания. И атеисты, и буддисты, и христиане – все равно. Как же они заблуждаются...

Неужели у Бога (или у Высшего Разума, или как Его еще назвать?) настолько скудная фантазия, что он создал только маленькую Землю и живущих на ней? Ведь у старика было много времени, а досуг требуется чем-то заполнять, верно? Но кто сказал, что Создатель – обязательно старец? А вдруг он – вечное дитя, играющее камушками на берегу моря. Ребенку скучно, и он развлекается, как может: рисует, лепит, собирает пирамидки из разноцветных колец.

И тогда наша планета является всего-навсего одной из Его фантазий, к тому же, не самой удачной. Мы, все такие задерганные и суетливые, с нашим хваленым техническим прогрессом, внешней и внутренней политикой государств, войнами и прочими достижениями – не более, чем мимолетный каприз Творца. Прихоть, о которой он давно забыл, увлекшись более интересными и совершенными игрушками. Разве такого не может быть? Не спешите давать отрицательный ответ.

Так куда же возвращаться после очередного обморока? На Землю или в какое-нибудь другое, более привлекательное место? Ведь выбор на самом деле настолько велик, дороги и неповторимые земляне...

Было бы преувеличением сказать, что Иришу одолевали подобные мысли. У девушки хватало других, куда более насущных забот, и было не так много свободного времени, как хотелось бы. Работа, которая худо-бедно кормит, одевает и позволяет не ограничивать досуг телевизором. Квартира, в которой приходится поддерживать чистоту, что не так-то просто благодаря стараниям вечно линяющего и шкодящего кота. Родственники, требующие внимания, а

также друзья обоего пола, с которыми нужно и хочется поддерживать отношения. А еще учеба, заставляющая напрягать голову, отвыкшую за несколько лет от лишних усилий. Машина, опять же, с недавних пор повадившаяся глохнуть на скорости...

Ириша уставала, и высокие материи не занимали ее совершенно. Скорее бы отпуск, ведь она не отдыхала по-человечески уже полтора года! Ближайшая пятница не в счет: это всего один день, а свидания с графом отдыхом не назовешь. После них, наоборот, надо усиленно отсыпаться. Но в начале июня они с Надюхой сядут в самолет и улетят к морю, в Анталию, на целых десять дней. Будут валяться на пляже, пить соки и коктейли у бассейна, болтать, флиртовать и читать какие-нибудь интересные книжки, а не осточертевшие учебники. Впрочем, последнее занятие предвкушала только Ириша, потому что школьная подруга не испытывала ни малейшего влечения к печатному слову. Максимум, на что была способна Надя, это полистать журнал, читая подписи к фотографиям.

Девчонки дружили с первого класса. Надя Серова всегда была особой активной, нахрапистой, но семи пядей во лбу не имела. Она была крупной девицей с хорошей фигурой и чуть грубоватым лицом, а также роскошными русыми волосами, которые никогда не стригла коротко. Больше всего на свете Надюша хотела замуж. Хотела давно и упорно, еще с тех пор, когда увлекалась классиками и прыгалками. Она жутко завидовала Ире, которая шутя осуществила ее заветную мечту. У самой Нади почему-то ничего не получалось.

Для осуществления заветной цели Надюша выбрала оригинальную тактику, которая казалась ей беспроигрышной. Начав еще в старших классах, барышня охмуряла призывников, полагая, что молодые люди, не сумевшие откосить от армии, более податливы и уязвимы, чем те, кто уверен в завтрашнем дне. Надя разными способами знакомилась с будущими защитниками Родины, догуливающими на свободе последние недели, честно и страстно влюблялась в каждого забритого и окружала избранника невыносимой заботой.

И так дважды в год. Надя примелькалась почти во всех военкоматах столицы, не подозревая, что там ее величают «рядовой подругой». Призывники, предвидя двухлетнюю изоляцию, охотно шли на контакт, и даже некоторое время отвечали на ежедневные письма барышни, полные признаний и клятв, украшенные помадными поцелуями и подписанные не иначе, как «твоя Надежда». Но все, как один, срывались с крючка, отпугнутые невиданным напором подруги. Надюша решительно не понимала, почему так происходит: ведь она их всех безумно любила! А к одному из первой пятерки даже ездила в Долгопрудный каждую субботу и родила ему мальчика. Не помогло.

К двадцати двум годам Надя с призывным марафоном поневоле завязала. В таком солидном возрасте, да имея ребенка – пусть даже с ним нянчится бабушка, – всерьез подцепить парня на несколько лет младше тебя проблематично. Ириша к тому времени уже была в разводе, и девушки возобновили прерванную ее замужеством дружбу. Наде стало нечему завидовать, а Ира школьную приятельницу жалела, но старалась этого не показывать, ибо подруга была болезненно самолюбивой. Одно время она опасалась, как бы Наденька не перекинулась с призывников на заключенных: ведь тем, по идее, куда больше не хватает женской ласки и преданности.

Слава богу, обошлось. Теперь неунывающая Надя, презрев места не столь отдаленные, увлеклась курортами. По-прежнему не реже двух раз в год – наверно, сказывалась давнишняя привычка – она отправлялась в жаркие страны и выискивала на пляжах неженатых москвичей. Но начала отдавать предпочтение разведенным, исходя из тех соображений, что если мужчина, в принципе, склонен заводить семью, то его легче спровоцировать на этот шаг, чем убежденного холостяка. Пока результат оставался нулевым, но Надюша не отчаивалась. Многолетняя борьба за собственный семейный очаг ее закалила, а надежду человек с таким именем потерять не может по определению.

Надя всегда уговаривала присоединиться к ней кого-нибудь из подруг, поскольку вдвоем веселее и дешевле. Ириша уже ездила с ней однажды и получила массу удовольствия как от самого отдыха, так и от наблюдений за маневрами подруги, которая отвергала добрые советы. Но все-таки с женщинами у нее получалось находить общий язык гораздо лучше, чем с пугливым и неуловимым противоположным полом, убегающим от своего счастья. Что ж так не везет девчонке? Ведь симпатичная, хозяйственная и совсем не стервозная...

И вот предстоит новая совместная поездка, путевки уже оплачены. Теперь Ирише требовалось подчистить на работе кое-какие хвосты, сделать кучу покупок, окончить курсы, а затем улететь и оттянуться на ласковом море по полной программе. После отпуска, с новыми силами, сдать вступительные экзамены... Но это все потом, не первом плане – свидание с Шуваловым.

До дома Ириша доползла уже в районе одиннадцати часов, с квадратной головой, которая по чистой случайности вспомнила, что нужно заправиться и купить еды коту и себе. Пришлось срочно разворачиваться, поругавшись при этом с брыластым бегемотом на черной «Ауди», который еле дотягивался до руля, придерживая его пузом. Ира показала слонопотаму средний палец и не стала дослушивать его ценное мнение о бабах-водителях.

Паркуя у подъезда накормленную под завязку Муху, она озабоченно прикидывала, каковы шансы благополучно добраться до своего этажа на лифте. Сегодня его хрупкий механизм уже ломался, а значит, есть надежда, что все обойдется. Ноги гудят, словно высоковольтные провода, черепушка трещит от полученных знаний, а на площадке между вторым и третьим этажами видны силуэты не то бомжей, не то просто алконавтов. Нет, пешком идти чревато во всех отношениях. Конечно, в кармане ветровки лежит газовый баллончик, а в сумке – электрошокер. Но день сегодня такой, что в случае нападения подозрительных личностей ее непременно угораздит брызнуть гадостью в собственные глаза, а от удара током агрессор скончается на месте. Становится из-за этих типов убийцей совсем не хотелось. Лучше уж застрять в лифте и провести ночь на его заплыванном полу.

Как ни странно, все обошлось, и уже через пару минут Ириша с облегчением заперла за собой дверь квартиры. Парис не вышел встречать. Значит, что-то натворил и прячется от ее праведного гнева на шкафу. Девушка принялась: никаких характерных для кошачьих пакостей запахов по дому не витало. Разувааясь, она громко объявила:

– Если ты, кошачья морда, опять точил когти о диван, завезу тебя в темный лес и там брошу!

Но морда не поверила, поскольку прекрасно знала, что женщина, которую она осчастливила своим присутствием, никогда ничего подобного не сделает. Кот нашелся на кухне: и вовсе он не прятался, а дрых на микроволновке. Но миска с водой была перевернута, и лужица на полу уже начала подсыхать.

– Срань ты луговая, – устало донесла до него свои выводы Ириша. – А ведь я могла тебя кастрировать, но не стала. И теперь ты в свое удовольствие шляешься на соседний балкон к Дусе. Кстати сказать, я твоей пассивности глаза не выцарапываю. Где твоя мужская благодарность? Что ж ты мне подлянки каждый день кидаешь?

Парис потянулся и распушил хвост, гипнотизируя пакетики с кормом в ее руке.

– Вот оставлю тебя голодным, будешь знать, – ворчала Ириша, вытирая тряпкой пол.

Кот спрыгнул со стола и старательно потерся боками об ее ноги, оставляя на черных брюках шерсть. Все правильно, дружище: ты никогда не врешь, не хвастаешься и не лезешь с поучениями. Не производишь тухлые носки со скоростью две штуки в день, не сморкаешься и не отхаркиваешься в ванной по полчаса каждое утро, даже не читаешь в туалете. Поэтому жить здесь будешь именно ты.

Сжевав упаковку готового салатика, Ириша умылась и разобрала диван. Как только она легла, намереваясь немного продвинуться вперед по дебрям начатого неделю назад детектива,

Парис мягко вспрыгнул на постель и угнездился у хозяйки на груди, глядя прямо в глаза тяжелым немигающим взглядом.

– Свет мешает? Потерпи, вот до главы дочитаю...

Но кот с монотонным урчанием начал уминать передними лапами хозяйский желудок, и лампу пришлось погасить. Он опять прав: сегодня Ириша прекрасно обойдется безо всяких снотворных.

Весь четверг телефоны Ириши, что мобильный, что служебный, трезвонили, не переставая. Всем она вдруг срочно понадобилась по самым пустяковым делам. Начало положила мать, которая постоянно видела красочные сны, редко поддающиеся однозначному толкованию. Не найдя в замусоленном соннике внятного и устраивающего ее ответа, Анна Станиславовна начинала обзванивать всех подряд, чтобы проконсультироваться. Иришу сновидения никогда особенно не интересовали. Свои собственные, не задерживающиеся в памяти, она делила на две простые категории: приятные и страшные. Но мама, даже если гостила у друзей в другом городе, как сейчас, все равно желала услышать ее мнение.

– Ирочка, я сегодня полночи глаз не сомкнула! – прозвучало стандартное вступление Анны Станиславовны. – Такой кошмар приснился, что до утра пила валерьянку. Представляешь, будто я веду грузовик. Огромный такой, только без кузова почему-то! И так это, знаешь, ловко рулю, словно умею это делать. Не подскажешь, что за марка машины: такой кружок нарисован, разделенный на три части?

– Это «Мерседес». И что было дальше? – Ира знала, что матери необходимо задавать наводящие вопросы, иначе она будет утопать в подробностях до обеда.

Находящийся в кабинете посетитель – один из прорабов пришел увольняться – начал с любопытством прислушиваться к разговору.

– Ты не поверишь: за мной кто-то гонялся на таком же страшном грузовике, только другого цвета! По улицам, потом по каким-то помойкам, по оврагам. И все сигналил, мигал фарами, как сумасшедший...

– Догнал?

– Не успел, я вовремя проснулась. Что бы это значило?

– Понятия не имею. Надо думать, все хорошо, раз не догнал.

– Да, Ирочка, не подскажешь, правильно ли я педали нажимала: правую, чтобы ехать быстрее, а левую – тормозить?

Ириша, прижав трубку плечом, начала старательно заполнять трудовую книжку:

– Значит, коробка-автомат...

– Причем здесь какая-то коробка? – возмутилась мама. – Я тебя про педали спрашиваю!

– У твоего грузовика была автоматическая коробка передач, мам. Все ты правильно нажимала, не волнуйся, – сама Ириша путала педали только в стрессовых ситуациях.

Но не волноваться Анна Станиславовна не умела вовсе, и ночную поездку на грузовом «мерсе» пришлось еще какое-то время обсуждать. Прораб успел получить документы и покинул отдел кадров в полной уверенности, что семья его начальницы промышляет угоном автомобилей.

Следом нарисовалась Надя, одержимая предоступной лихорадкой. Ее предыдущее курортное приобретение забраковал даже сын, шестилетний Андрюшка. О тщедушном аспиранте, привезенном мамочкой из очередной поездки, пацан отозвался презрительно: «Дядя Вова из Туниса хоть танкистом был, а этот – математик...»

Ириша для разговора вышла на лестницу, поскольку в офисе мобильники ловили плохо.

– Ир, я вот думаю: может, мне в рыжий цвет покраситься?

Недавно подруга от кого-то услышала, что джентльмены предпочитают блондинок, и сменила масть. А заодно обзавелась контактными линзами интенсивного лилового цвета. Джентльмены продолжали от нее шарахаться, как прежде. Представив себе лиловооковую Надю с рыжей шевелюрой, Ириша прикурила сигарету фильтром.

– Ты чего кашляешь – простыла? Я тебе заболею, ты мне плановое сафари не срывай!

– Нет-нет, все в порядке, – выдавила Ира. – Знаешь, к рыжим волосам не подойдет твой красный купальник.

– Сказанула тоже! Он же прошлогодний! Я другой куплю, зеленый. Нет, лучше два: белый и черный.

Надя не признавала полутонов и полумер. Экстремальное мини, боевой раскрас индейца из племени сиу, шпильки, позволяющие только семенить на цыпочках. Уж раз вошли в моду брюки на бедрах, то они у подруги начинались так низко, что наличие под ними какого бы то ни было белья исключалось. То, что такой фасончик ноги любой длины визуально делает короче, Надюшу не волновало: модно – и все тут. А если еще рыжей станет... Туши свет, выходи на трассу – все дальнобойщики твоими будут. Но ведь не скажешь же.

– Надь, ты извини, но я против, – нашлась Ириша. – На твоем ярком фоне меня просто никто не заметит. Ты что, решила совсем задвинуть меня в тень?

Довольная подруга захихикала:

– Завидуешь, девонька? Ладно, я подумаю. Можно просто темные прядки сделать.

Ириша перевела дух: при всей озабоченности Надя никогда не старалась отбить кавалеров у подружек. Редкая самоотверженность! А Иру, с которой несколько лет просидела за одной партой, она искренне любила, хоть считала невзрачной и постоянно подбивала изменить внешность на более яркую.

– Со стрижкой «обросший мальчик» и бесцветным маникюром ты никогда больше замуж не выйдешь, – авторитетно, будто сменила дюжину мужей, убеждала она.

– Я разок вышла, больше пока не тянет, – отбивалась Ириша; а однажды все-таки не выдержала и спросила. – Надь, почему ты сама так стремишься в оглобли? Ведь ничего, что стоило бы таких усилий...

– Это Три Егора неправильный был, поэтому тебе и не понравилось, – с убеждением возразила подруга. – А мне требуется надежный тыл и крепкое мужское плечо.

Ириша промолчала, не желая ссориться. И собственный опыт, и рассказы семейных подруг давно убедили ее в том, что крепкими у мужиков в лучшем случае бывают челюсти и грабли – то, что связано с хватательными рефлексам. Подножку конкуренту они еще подставить могут, а вот плечики стараются беречь. О тыле речь вообще не идет. Сама Ира после свадьбы попала на передовую с боями местного значения. Но разве Надьку реально переубедить? Ничего не поделаешь: не нюхавшую семейного пороха девушку не страшит перспектива получить на свою голову вместо плеча и тыла еще одного капризного дитя, воспитанного такой же матерью-одиночкой, что и она. Если создать мальчику-колокольчику благоприятные условия, он выполнит все, для чего появился на свет: посадит печень, вырастит пузо и даже построит жену.

И так – до самого вечера: звонок за звонком, один другого несуразнее. Возникли почти все подруги и кавалеры, включая бывших, нарисовалась даже совершенно забытая тетка с первой работы. Ириша говорила и говорила, то сидя за столом и тупо щелкая мины в игре «Сапер», то расхаживая по коридору с мобильником в одной руке и сигаретой – в другой. И разговоры-то все ни о чем, вот что обидно. Но не будешь же хамить человеку, с которым сто лет не виделась и состоишь (или состояла) в добрых отношениях. А все подолгу рассказывали что-нибудь скучное, обязательно уточнив напоследок:

– Так у тебя точно все в порядке? А то кто-то говорил...

Оставалось заподозрить, что весь народ состоит в сговоре. Ириша чувствовала, что близка к такому необычному для себя состоянию, как истерика. И когда до кучи объявился бывший муж, которому вообще неоткуда было узнать ее новый номер, бедняжка с наслаждением сорвалась:

– Тебе-то что от меня надо?!

– Да так, просто слышал...

– У меня все в полном порядке! И плюнь своей ядовитой слюной в глаза тому, кто говорил что-то другое!

Обозвав ее, как в старые добрые времена, зарвавшейся холопкой, Три Егора отключился. В результате всех этих бестолковых переговоров, когда наконец-то позвонил Сан Саныч, мобильник оказался совершенно разряженным и сдох, не имея ни цента на счете. Ириша была готова разрыдаться от злости и обиды на весь мир. Почти тотчас же звякнул аппарат на рабочем столе. Решив, что это перезванивает отсоединенный граф, она схватила трубку:

– Алло!

– Кто говорит? – раздался вредный голос Сергеева, который очень любил проверять, представляются ли сотрудники, отвечая на звонок.

Со свистом втянув в себя воздух, Ириша начала считать до десяти, и тут услышала из коридора вожащенное «пора домой».

– Говорит Москва! – отчеканила она. – Передаем сигналы точного времени: рабочий день закончен.

Пришлось на пару минут задержать гремющую ключами Любу, потому что Шувалов действительно перезвонил, как только она припечатала трубку к аппарату. Наскоро договорившись выехать завтра с утра на двух машинах, Ира подхватила сумку и выкатилась из офиса. Ничего себе четный день выдался! Какая удача, что она все же не забыла обговорить с начальством и оформить себе на завтра отпуск! Вот это называется – не зря на работу сходила.

Тот день был странным и суетливым для очень многих, а не только для Ириши. Самые разные люди, чувствуя неосознанную тревогу, начинали нервничать и совершать несвойственные для себя поступки. То школьник добровольно уступит старухе место в автобусе, то гаишник от денег откажется. Синоптики правильно предсказывали погоду, а жулики, со злыми следами на глазах, заключали честные сделки со. Много невероятных событий произошло в тот четверг, оставив у их участников и наблюдателей стойкое ощущение, что они чего-то крупно недопонимают.

Просто чуть-чуть сместились невидимые обычным зрением границы, получившие едва заметный толчок извне. Слегка расплылись еще недавно четкие грани, размылись контуры, стали ниже и тоньше преграды. Между чем – разве неясно? Надолго ли? А вот этого никто не знает.

Глава 3

Ранние подъемы всегда давались Ирише с трудом. В детве мама приходила ее будить по несколько раз и старалась держаться подальше от кровати: не желающая просыпаться дочурка и лягнуть могла. Начав жить самостоятельно, она была вынуждена заводить прорву будильников, потому что один или два имели хорошие шансы не быть услышанными. Несколько имелось в домашнем АОНе, и они звенели каждые десять минут. Ну, и в мобильном, конечно. Мелодии же для будильников Ириша выбирала самые неприятные и пронзительные.

Подъем в пятницу состоялся на час позже обычного. Это обстоятельство немедленно просек Парис, который в днях недели не разбирался, но время чувствовал хорошо. Раз хозяйка не встала в семь, значит, сегодня входной. А поскольку на дворе почти лето, и погода неплохая, она может поехать на дачу. Там кот бывать любил, потому что дача – это свобода и приличное общество себе подобных.

Пока Ириша завтракала, Парис вел себя спокойно, наблюдая за ней на расстоянии. Но как только она пошла в комнату одеваться, отправился следом и стал кружить поблизости, следя за каждым движением хозяйки. «Фигушки тебе, – думала Ириша, заметившая маневры кота, – сегодня останешься дома. От тебя и бегу, бандит». Девушка надела комплект дорогого белья, со злорадством отметив, какой разочарованной сделалась у кота морда. Раз красивое бельишко, значит, собралась на свидание и не придет ночевать. Джинсы Париса озадачили, но они были новыми. Нет, на дачу хозяйка ездит в других. Кот обиделся и уместился в кресле, повернувшись к бессердечной женщине спиной.

Так тебе и надо, котик – розовый ротик! Обманули дурачка на четыре кулачка! Если бы Парис решил, что она все-таки собралась на дачу, но не берет его, мог страшно отомстить, устроив в квартире погром.

На улице было не жарко, дождя не обещали. Ириша завершила туалет приталенной блузочкой, светлой ветровкой и легкими мокасинами. Чуть-чуть косметики и никаких духов: Сан Саныч то ли действительно их не любит, то ли шифруется таким образом от бдительной супруги. Прихватив из холодильника пакет с овощами и фруктами, она позвонила Шувалову:

– Я выезжаю, ты где?

– Уже в пути, – бодро отозвался милый. – Всё без изменений?

– Конечно. Свернешь на Дмитровку и где-нибудь в удобном месте остановишься. Скоро буду.

Дача родителей находилась недалеко от Дубны. Название ближайшей железнодорожной станции – Карманово – отец переименовал в более благозвучное: Карма Нова. Далековато получил в свое время участки вертолетный завод, на котором он работал, но само место стоило затраченного на дорогу времени. Ириша выросла на этой даче, проводя там с бабушкой все летние каникулы. Совсем рядом протекала река Сестра, достаточно широкая и глубокая, чтобы купаться. Хочешь прогуляться до канала – пожалуйста. А в двух остановках на электричке стоит себе на Волге город физиков, и пляж там просто великолепный.

Но самым лучшим в Карма Нове был один дуб, под сенью которого дачная молодежь давным-давно обустроила место для вечерних посиделок. Дуб рос на высоком берегу Сестры, неподалеку от родника. Вечерами на лавочках, поставленных полукругом, собирался народ всех возрастов за исключением грудного. Пекли картошку, бренчали на гитарах, играли в карты. Малышня носилась вокруг, более взрослые флиртовали в свое удовольствие. Никаких драк и хулиганств под тем дубом не случалось – сплошная дружба и любовь. Бывало, кто-то приводил знакомых, приехавших погостить на даче, и те потом продолжали ездить уже сами по себе, специально к замечательному дубу.

Добираясь до места встречи с Шуваловым, Ириша жалела, что вряд ли удастся показать ему этот дачный клуб. Ввиду редкости свиданий пара обычно общалась, не покидая койки. Не тот человек Сан Саныч, чтобы тратить драгоценное время на прогулки по-над рекой и другую ерунду.

В пятницу утром дорога из города радовала малой плотностью движения. Жаждавшие свежего воздуха и простых радостей люди рванутся на природу через несколько часов и будут еле-еле ползти, проклиная пробки. Ира заметила стоящий на обочине автомобиль Шувалова издалека. Его сиятельство с недавних пор гарцевал на вороном «Лэнд Ровере», в котором буквально души не чаял, полируя гораздо чаще, чем требовалось. Ириша припарковалась и вышла из машины. Оживленный Сан Саныч тоже выскочил на дорогу:

– Здравствуй, калориечка моя! – радостно воскликнул он, сгребая девушку в охапку.

Сравнивая возлюбленную с булочкой, граф не имел в виду ничего обидного, ведь Ириша отнюдь не была склонна к полноте. Шувалов уверял, что она – женщина с изюминкой не только во рту, как сказано у классика. Нет, по его мнению, подруга имела сладких изюминок не меньше, чем любимая в детстве калорийная булочка.

Сан Саныч очень высоко ценил свою Иришку. Она и не подозревала, насколько высоко, потому что женщинам лучше этого не знать. В противном случае они начинают создавать слишком много проблем. Ириша, кроме весьма и весьма приятной внешности, имела массу других достоинств. В спокойной и доброжелательной девушке не было ни капли подленькой бабьей хитрости, уж в этом граф Шувалов убедился за почти два года их необременительной связи. Иришка не названивала ему в неурочное время; собственно, она вообще почти не звонила, предпочитая слать иногда SMS типа «как дела?» или общаться в «аське». Она не пыталась навести разговор на «чувственную» тему, чтобы с мясом вырвать у партнера признание в любви. Никогда не расспрашивала о семье в надежде услышать критику в адрес законной супруги. Ни разу, будто нечаянно, не метила косметикой его самого либо одежду. Не изображала внезапную беременность, что практикуют все поголовно с целью выяснить реакцию любовника. Словом, Ириша была идеальной подругой для женатого человека. Она не старалась даже раскрутить его на деньги, что было уж вовсе дико.

А подарки ей делать хотелось, но Сан Саныч заставлял себя ограничиваться цветами и конфетами, хотя мог позволить большее. Он даже отказывал себе, вопреки желанию, в частых встречах с Иришкой: чтобы оное желание не утратило остроты. Чтобы, обняв, как сейчас, женщину «с изюминками везде», мог задохнуться от шальной радости. Чтобы узнавать ее каждый раз заново – эту девочку, с которой можно не кривляться, а побыть самим собой. Клоунады Шувалову хватало как на службе, так и дома.

Сан Саныч всегда считал, что семейная и личная жизнь – сиречь вещи разные, которые пересекаться не должны. Жениться следует по расчету, и тогда все сложится, как надо. Главное, чтобы расчет был правильным. С его экстерьером и общительностью выбрать подходящий вариант из немалого количества истекающих соком девиц труда не составляло. В 91-м году, когда честолюбивый Саня окончил с красным дипломом МАДИ, страна корчилась в муках, рожая некое чудовище. Одаренные молодые специалисты Родине были нужны не больше, чем зайцу стоп-сигнал. Ни в челноки, ни в рэкетеры Сане подаваться не хотелось. А для того, чтобы начать собственный бизнес, требовалось, как минимум, представлять: какой именно. И располагать, кроме стартового капитала, хоть какими-то связями в деловых кругах.

Ничего этого Саня Шувалов не имел. Учился хорошо – ему это всегда нравилось. Но женщины нравились еще больше, и они отвечали молодому человеку полной взаимностью. В результате среди коллег по цеху, мужиков, друзей у него практически не было – только побежденные конкуренты с роскошными рогами. Кушать же хотелось трижды в день, а макароны, которые варила мама-инженерша на зарплату папы-инженера, как-то поднадоели.

И Саня, произведя инвентаризацию и маркетинг среди подруг, остановил свой выбор на Римме. Эта молодая особа кроме филейной части шириной в восемь кулаков (по оценке Саниного папаши) имела в активе родителя-бизнесмена, развернувшегося с помощью наследства от прародителя-дирижера. Дедушка, как все представители этой богатой возвышенными эмоциями профессии, дожил до невероятно преклонного возраста. И все дирижировал чем-то, дирижировал, словно розовый зайчик с вечной батареей. Но все же умер, оставив нажитое двоим предприимчивым сыновьям.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.